

Роковая женщина

Автор:

Радаслава Андреева

Роковая женщина

Радаслава Андреева

Анна – молодая, красивая женщина, и уже трижды вдова. Что за напасть такая? А теперь ещё и подозреваемая. И откуда он взялся – этот оперативник, посчитавший женщину виновной в смерти мужей, хотя, конечно, подозрительно, что они мрут, как мухи, по прошествии трёх лет совместной жизни. Что-то не так, явно, с молодой троекратной вдовой.

Роковая женщина

Радаслава Андреева

© Радаслава Андреева, 2021

ISBN 978-5-0053-2006-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Анна сидела за столом, зажав голову в ладонях. Слез уже не было, только горечь утраты, да и вопрос: «Почему всё это – ей?»

– Ой, Люся, за что мне всё это? Мне же всего двадцать девять лет – а я вдова. И ладно бы, если бы в первый раз, а в третий-то.

– Анют, да ладно тебе, – голубоглазая блондинка, погладила подругу по голове. – Не переживай. Найдёшь ты ещё своё счастье.

– Да какое счастье – ты посмотри, стоит мне выйти замуж – как мой будущий муж обречён. Прямо рок какой-то. Нет, Люсенька – больше я замуж не выйду, – пообещала Анна, и разлила по бокалам вино. – Давай за это и выпьем.

– Нет, подруга – я не согласна. Я хочу выпить за то, что ты ещё встретишь своего принца – и проживёшь с ним вместе долгую и счастливую жизнь, – Люся подняла свой бокал, и лукаво глянув на подругу, стукнула им о край бокала Анны.

Выпить молодые женщины не успели. Раздалась переливчатая трель дверного звонка.

– О, боже, – горестно вздохнула хозяйка квартиры. – Кого ещё принесло?

На пороге стоял молодой человек, приятной наружности и с очень серьёзным видом.

– Тимошина Анна Сергеевна? – приятным голосом поинтересовался мужчина, у Ани по спине, мелкой струйкой, пробежались мурашки.

– Да, это я, – ответила Анна.

– Соболев Владислав Алексеевич, капитан полиции, – в этот момент молодой мужчина раскрыл какую-то книжечку, где красовалась его фотография, надо сказать на много хуже оригинала, и видимо фамилия с именем и отчеством, только, что названные. – Я могу войти?

– Входите, – растерянно отступила назад хозяйка квартиры.

– Аньк, кто там? – раздался задорный голос подруги из кухни.

– Это из полиции, – громко ответила Анна. Подруга тут же сорвалась с места и быстро оказалась в коридоре.

– Что произошло? – встревоженно налетела Люся на полицейского.

– Здравствуйте, девушка, – вежливо поздоровался с ней Владислав Алексеевич. – Представьтесь, пожалуйста, – попросил он тоном, не терпящим возражений.

– Орленко Людмила Викторовна, – уже тихим голосом представилась Люська.

Полицейский смотрел на двух красивых молодых женщин и прикидывал:

«Две красотки. Одна явная блондинка, наверняка, и мозгов, как у всех блондинок. Вторая прям вот бери и картину пиши – хрупкая, тонкая, большущие серые глаза и тёмные длинные волосы. Один подвох – мужья мрут, как-то уж больно подозрительно быстро».

ГЛАВА 1. Воспоминания

Они вышли из маленького, неприметного кафе.

– Как это тебя свекровь отпустила? – удивилась Люся, зябко кутаясь в дублёнку, которую ей лень было застёгивать. На улице было, не то, чтобы сильно холодно, но однозначно ветряно и некомфортно.

– Люсь, да она у меня вроде ничего так, – вступилась в защиту матери своего мужа Анна. – Правда с ней мы мало знакомы, я её видела-то раза три. На свадьбе, после родов Севы и год назад мы к ней в деревню ездили, как раз когда мелкому год исполнился. А сейчас она меня просто пожалела, и отпустила с поминок.

Подъехало такси, обе подружки погрузились в тёплый салон и, поздоровавшись с водителем, решили, что пока стоит благоразумно помолчать.

В этот день состоялись похороны третьего мужа Анны, он разбился на машине, пять дней назад. Выслушав все соболезнования и пожелания держаться, Аня чувствовала себя выжатой как лимон. Ольга Васильевна, мать покойного мужа, заприметила состояние невестки и отпустила её, под сопровождением подруги, домой, пообещав, проследить за гостями. Кто-то из сидящих за столом с укоризной смотрели на молодую вдову, считая неприличным, что она покидает застолье так рано. Но Анна махнула на них рукой, ей уже было наплевать, что и кто о ней подумает. Собственное состояние ей казалось важнее, благо свекровь поддержала и дала шанс уйти.

Такси подъехало к нужному подъезду. Люся молча расплатилась и обе молодые женщины выбрались на улицу, в холодный зимний день.

– Ну, что? В магазин? – спросила Аня.

– Конечно в магазин, согреться надо, да и помянуть Лёху не помешает, – совершенно серьёзно ответила Люся.

Идти далеко не пришлось, прямо на углу дома уютился небольшой магазинчик.

– Одной бутылки хватит? – поинтересовалась подруга у Ани, – или всё-таки две?

– Бери две, чего мелочиться, – разрешила молодая вдова, выбирая закуску.

В квартире стояла полнейшая тишина и занавешенные зеркала.

– Вот зачем зеркала закрывать? – снимая дублёнку, спросила Люся.

– Свекровь сказала, что иначе покойник захочет меня забрать. Типа через зеркало может достать, – пояснила Анна. – Да собственно, после каждого мужа говорили закрывать, я и закрывала, даже не задумываясь раньше.

Накрывая стол, Аня вздохнула, что не преминула заметить подруга.

– Не грусти – всё наладится, – Люся обняла её и погладила по голове. – Страдалица ты моя.

– Ой, Люсенька, одна ты у меня и есть, – вздохнула Анна, стараясь не заплакать.

– Да, ладно, у тебя мальчишки хорошие растут. Ромка вообще золотой парень будет. Ну, а Сева думаю, глядя на брата не отстанет.

– Это-то да. Ещё у меня есть Екатерина Владимировна – она мне больше, чем мать, – Аня вздохнула и, достав штопор, протянула его подруге, у той лучше получался данный процесс.

Справившись с удалением пробки, Люся разлила вино:

– А твои родители где?

– Дома, вернее мать одна осталась, отец умер в прошлом году. Меня даже не позвали. Как сказала мать, при моём первом замужестве: «Больше дочери у меня нет». Я с ней пыталась потом пообщаться, но она демонстративно меня игнорировала, я попытки забросила. Они брата всегда больше любили и баловали, хоть он и старший был.

Люся подругу не прерывала, хотя всю её историю уже слышала не раз. Но Ане надо было выговориться – и это было самым лучшим лекарством от боли.

– Я как вспомню то первое замужество – так до сих пор вздрагиваю. Дурой была – несусветной. Хотя, что можно хотеть от девочки семнадцати лет. Влюбилась во взрослого парня, замуж побежала, так как залетела. Он бы может и не женился, да мне ещё восемнадцати не было, могли привлечь к ответственности, – Анна пригубила вино. – Это были три года ада. Люсь, ты представить не можешь – у меня весь мир с ног на голову перевернулся.

– Да представляю я, – подруга с сочувствием посмотрела на молодую вдову, которая совсем недавно похоронила третьего мужа. – Я же прекрасно помню, как мы с тобой познакомились, тебя тогда свекровь из дома гнала.

– Ой, Люсенька, ты же меня тогда спасла, морально. Твоя поддержка была очень вовремя, я ведь удавиться хотела. Так мне было плохо. Только Ромка и останавливал. Кому он, кроме меня ещё нужен. Как вспомню мужа, который матери во всём потакал, и в моих унижениях особенно. Сейчас бы я себя в обиду не дала. И ты знаешь, честно – я ведь не жалела об их смерти. Всплакнула на похоронах, скорее от радости. Я как поняла, что надо мной измываться никто не будет – так слёзы катились уже от облегчения.

– Они своё получили, – поддержала Люся, подругу. – Не убивайся ты так. Ты же не виновата в их смерти.

– Вот знаешь, – Анна задумчиво глянула в окно. – Мне иногда кажется, что виновата. Я ведь с первым мужем долго терпела, крепилась, не плакала даже. Старалась изо всех сил угодить всем, и себя считала виноватой, что не получается семью хорошо содержать. Это я сейчас понимаю, что они оба на меня сели и ноги свесили. Да финансы зарабатывал муж. Но его маменька взвалила на меня всю работу по дому. Знаешь как она на меня орала, что я на сохранение легла, а как вышла из больницы – заставила делать генеральную уборку, с передвиганием мебели. К вечеру по «скорой» – я опять попала в больницу. Врач меня тогда боялся выпускать домой. И это всё на восьмом месяце беременности. У мужа тогда просветление случилось, и он маму свою отправил в санаторий. Даже помогал мне по дому, и не приставал с каждодневными уборками.

– Да, Ань, тяжела женская доля, – вздохнула Люся. – Я ведь по работе часто с таким сталкиваюсь. Когда на беременную женщину взваливают домашнюю работу. Тут один мужик приходил, его жена на восьмом месяце, как и ты, попала к нам с начавшимся кровотечением, думали родит, так он попросил ей кровь остановить, и сразу домой отпустить, а то ему есть будет нечего и посуду кто помое. Я ему тогда ответила: «Купите посудомоечную машину». Он хамить собрался, но не вышло, рядом охранник Василий, как встал, тот и стушевался. Ты нашего Васю видела?

Анна отрицательно помотала головой.

– Шкаф двухстворчатый, – хохотнув, ответила Люся, показывая руками, насколько он широк. – Обычно хамоватым мужикам одного его взгляда достаточно.

На некоторое время над столом повисла тишина, обе женщины закусывали, каждая в этот момент думала о чём-то своём.

- Ой, я же не договорила, - спохватилась Аня, - начала говорить, что чувствую себя виноватой, и как-то съехали мы с этой темы.

- Ну, и в чём ты чувствуешь себя виноватой? - со снисходительной улыбкой спросила Люся. - Слушаю тебя внимательно.

- Вот смотри, с первым мужем я долго терпела, ждала, а потом начала реветь от горя и безысходности. И, что уж греха таить, от жалости к себе, особенно. И ведь недели не прошло, как он со своей маменькой попал в аварию, и погибли оба.

- Да это же просто совпадение, - почти возмущённо, заявила Люся.

- Если один раз, то может и совпадение. Дальше, со вторым мужем у меня тоже не всё заладилось. Сергей был помешан на мне и сексе со мной. Он и женился на мне, чтобы всегда была под боком и иметь, когда ему хочется. Тут уже свекровь меня выручала. Однажды муж хотел выставить трёхлетнего Ромку на лестничную площадку, для своих утех. Мотивируя тем, что я его жена и у меня есть супружеский долг, обязана выполнять по требованию. Свекровь тогда увела сына гулять, а Сергею позже пыталась мозги вправить, да там бесполезно было.

Люся слушала подругу и вздыхала. Она работала врачом-гинекологом, и таких историй перевидала и переслушала, за такую недолгую жизнь уже не мало. Ей самой было сложно заводить отношения с противоположным полом, так как знала, что стоит вступить в них, как тут же окажется, что завела себе великовозрастное дитя. Хотя, конечно, встречались и хорошие экземпляры, заботливые и ответственные. Тут чаще жёны были не на высоте.

- И ведь тоже почти три года терпела, - продолжила свой рассказ Анна. - До самого момента, когда забеременела, и на фоне его постоянных домогательств выкидыш и случился. Как я сказала Серёже, что половой покой требуется, он разозлился и ответил, что этому не бывать. Тут же прижал, и можно сказать изнасиловал. Я потом в больнице все две недели редела. А потом в больницу пришла свекровь и сообщила, что муж утонул на озере, где

бухал с друзьями. Я ещё тогда подумала, что все мои мужья мрут к третьему году совместной жизни. Как в воду глядела, и Лёха за всеми отправился.

– А по Лёшке-то ты чего редела? Вроде у вас всё нормально было. Мы с тобой виделись две недели назад, ты ничего не рассказывала, – поделилась своими соображениями Люся.

– Да вот именно – вроде, – нехотя буркнула Анна. – Он же у меня жалостливый был, всё нас баб одиноких, без мужей детей воспитывающих жалел. Как раз недавно узнала, что у него ещё две бабы было, и третью обихаживал. Вернее он им помогал, они же бедненькие – одни, – в голосе вдовы послышались злые нотки. – Помочь им некому, а без мужика трудно. Знала я за ним эту черту. Но, думала, наивная, что женившись, он переключится на меня одну и всё будет тип-топ. Да вот прогадала. И тоже не удержалась. Два дня белугой редела, когда он домой за полночь возвращался. И ведь знаешь – мне его действительно жаль. Не желала я ему смерти. Лучше бы развелась. Лёша хороший был, добрый. Я с ним оттаяла и в себя поверила.

На глаза Ани навернулись слёзы.

– А самое паршивое – то, что жалко в итоге себя. Какая же я всё-таки чёрствая. Муж погиб, а я себя жалею.

– Ты пореви, пореви – легче станет, – успокаивающим тоном произнесла Люся, поглаживая подругу по склонённой голове.

– Ага, – Аня подняла голову. – От моих слёз одни смерти случатся. Прямо рок какой-то.

– Не выдумывай, – резко остановила Люся подругу. – Это просто совпадения.

– Да, блин, Люсь, что-то уж больно частые и закономерные совпадения, – возразила ей Анна. – Мне, наверное, просто замуж нельзя. Я всё меряю своей завышенной планкой. И если, что-то начинает выбиваться из рамок, которые я сама и наметила, я начинаю себя во всё винить, поедом есть, искать выход, как бы всё исправить. А потом от бессилия реветь. Ну, а после реветь, случается, – она горько вздохнула, – то, что случается.

– Да большинство баб ревет по любому мелочному поводу, и ничего – живы их мужики, – Люся возмутилась. – А ты у нас особенная.

– А может мне надо научиться реветь по мелочам? – осенило Анну.

– Ну, ты мать, даёшь, – Люся аж опешила. – Я тебе как врач говорю – оставайся такой, какая ты есть. Найдётся ещё твой человек.

Аня махнула рукой:

– Да ну их, этих мужиков. Чего себе нервы трепать и их жизни лишать. Пусть живут без меня, или я без них. В общем, я подумала и решила.

Подруга хотела снова возразить, но Аня разлила вино по бокалам и предложила тост:

– Давай выпьем за нашу счастливую женскую долю – и пусть она всенепременно с этого дня станет счастливой – на веки вечные.

Тост Люсе понравился, и хотя она посчитала его несбыточным, согласилась с подругой. Помечтать-то можно.

ГЛАВА 2. Подозреваемая

Приход полицейского оказался неожиданным. Аня смотрела на него своими большими глазами, и не приглашала пройти дальше.

– Где удобнее поговорить? – поинтересовался Владислав Алексеевич.

Пришлось предложить пройти на кухню.

За столом, увидав закуску, и недопитую бутылку вина, полицейский хмыкнул и спросил:

- Что отмечаете?

- Поминки у нас, - хмуро глянув на мужчину, ответила Люся. - У Ани муж умер.

- Я в курсе, что муж умер. Что же не со всеми на поминках, а особнячком? - тон капитана Соболева Ане совсем не понравился.

- Устала я от людей. И от навязчивых соболезнований, - спокойным голосом ответила она. Ей скрывать было нечего.

Владислав приподнял бровь, прищурил взгляд и пристально глянул на красивую и, кажущуюся такой хрупкой, женщину. Он уже перевидел массу преступников, которые казались искренними и откровенными. Правда, зачастую за их откровенностью стояло совершённое ими преступление.

Сев за стол мужчина достал блокнот и ручку, явно собрался, что-то писать.

- Расскажите, пожалуйста - как погиб ваш первый муж?

- А он тут причём? - опешила Аня.

- Вопросы задавать это моё право - а ваша обязанность на них отвечать, - сурово зыркнув на обеих подруг, сообщил Владислав Алексеевич.

- А вы что её уже арестовали? - встряла в разговор Люся.

- Если будет надо - арестую, - с ехидной улыбкой пообещал полицейский.

Анна хотела сначала воспротивиться, а потом подумала: скрывать ей нечего, а за рассказы не сажают. Она поведала всё, что знала о гибели первого мужа и его мамы, так как те разбились в машине, когда были вместе. На самом деле знала она не так уж и много, ибо во внутренностях автомобиля мало что понимала. Помнила только, как в протоколе ДТП было написано, про неисправность рулевого управления.

- А вы разбираетесь в автомобилях? - задал свой второй вопрос капитан Соболев.

– Ну, – Анна не очень поняла вопрос, – я могу отличить фольксваген от мерседеса, ещё могу узнать тойоту и шкodu. Наши русские Лады тоже отличу. Ещё Ниву Шевроле знаю.

– При чём тут марки автомобилей? – усмехнулся полицейский. – Я имел ввиду внутреннее устройство автомобиля.

– Так надо правильно вопросы задавать, – ехидно вставила своё слово Люся. – Как я понимаю – вы подозреваете мою подругу, в том, что она подпортила машины первому и третьему мужу, чтобы те погибли. Ага, а по поводу второго мужа вы будете говорить, что она его утопила сама? Правда при этом Аня лежала в больнице под капельницей – но это же такая мелочь. Отключилась – села на метлу – утопила – вернулась обратно и подключилась к аппаратуре самостоятельно. Так, по-вашему.

Капитан смутился. Он действительно прочитал все дела от корки до корки, и действительно не нашёл к чему там зацепиться. Смущало его именно то, что все Анины мужья погибали при приближении к трём годам совместной жизни.

– И не стоит смотреть на меня как на блондинку из анекдотов, – продолжила свою отповедь подруга подозреваемой. – То, что у меня волосы белые, совершенно не значит, что я дура. Я врач высшей категории. Так, что не надо из моей подруги делать преступницу. Первые два мужа были форменными козлами, первый ещё и в придачу со своей мамашей, которые себе завели бесплатную рабочую силу в виде молодой девчонки, а ей ещё и восемнадцати лет не исполнилось. А Анька – типичная отличница, которая всё старалась сделать на пять, вот и вся её вина. Другая бы дурочку включила, истерику закатила, а она старалась всем угодить.

– А третий муж, по-вашему, получается, козлом не был? Раз вы его не упомянули? – ухватился за слова собеседницы капитан Соболев.

– У Алексея была одна беда – он жалел всех одиноких женщин с детьми. Стоило такой замаячить на горизонте, как он, видимо чувствуя себя, Робин Гудом, бежал её спасать, – уже более спокойным тоном ответила Люся.

– Лёша был хорошим, – вклинилась в образовавшуюся паузу Анна. – Я буквально за неделю до его гибели узнала, что очередной бедняге, которой он помогал, он уже не просто помогает, а их отношения гораздо ближе. И тормоза в его машине уже были неисправны. Я могу вам дать телефон мастера, которые ремонтировал наши машины. Он вам сообщит, что Алексей за два дня до роковой поездки собирался приехать и отремонтировать машину. И муж, действительно эти два дня ездил на общественном транспорте. Но потом позвонила та самая женщина, её надо было срочно забрать откуда-то. Вот он наплевал на осторожность и сорвался с места. Дорога зимняя, обледенелая. Тормоза отказали окончательно.

– А что вы почувствовали, когда узнали о близких отношениях вашего мужа с другой женщиной? – спокойным сухим тоном поинтересовался полицейский.

– Было больно, обидно. Я не люблю предательства. Мне бы было легче, если бы ещё на заре зарождающихся отношений, он просто ушёл к ней. Чтобы честно. Больше всего мне обидно от того, что человек и мне говорит, что любит, и той женщине. По сути, он нас обеих обманывал, – Аня честно отвечала на поставленный вопрос.

Владислав поймал себя на мысли, что он начинает сочувствовать фигурантке по делу, которое он сам же и взялся расследовать. После расследования гибели последнего мужа Тимошиной Анны Сергеевны, дело уже собирались закрыть. Это именно он поднял два старых дела и решил ещё покопаться. А сейчас сидел на кухне этой несчастной женщины, начиная чувствовать себя идиотом. Интуиция видимо в этот раз его подвела.

– Да поймите вы, – опять вступилась за подругу Люся. – Аня обеспеченная молодая женщина. У неё высокооплачиваемая работа, есть всё, что надо для жизни, даже без мужа. Мотив-то вы ей, какой предписываете?

– Но после первого мужа ей осталась квартира, вот эта, – Владислав Алексеевич обвёл рукой пространство, показывая, что именно эту квартиру он имел в виду.

– А её надо было отдать государству? И уйти на улицу с маленьким ребёнком? – бомбардировала своими вопросами Люся полицейского. – Ей на тот момент было всего лишь двадцать лет. Вы когда подозревать её начали вообще здравый смысл включали?

Владислав понял, что пора ретироваться. Эта блондинка явно не робкого десятка и соображает быстро. Задавит его знанием ситуации. Тут стоит покопаться по-тихому. Отступить он не намеревался, хотя где-то на задворках разума тоненьким голосочком ему что-то подсказывало, что молодая женщина, всё-таки не виновна.

ГЛАВА 3. Психолог

Капитан Соболев шёл по улице, прокручивая в голове полученную информацию. На работе он первым делом он зашёл к Ваське Задворьеву, который вёл дело о гибели третьего мужа Анны. Васька удивился возбуждённому делу:

- Влад, ты чего – думаешь, жена мужей губит?

- Ну, смотри же, – не унимался капитан Соболев, – все три мужа прожили с ней в браке около трёх лет, прям вот тютелька в тютельку.

- Я не могу тебе сказать про всех трёх мужей, но по последнему проверил всё, что было возможно, – Задворьев чувствовал себя уверенным в своей правоте. – Тормоза в машине Алексей Тимошина не были повреждены, они были уже просто изношены временем. Это же подтверждает механик, который должен был ту самую машину ремонтировать. И то, что покойный, будучи тогда ещё совершенно живым, поехал в гололёд на машине с неисправными тормозами – ты считаешь виноватой его жену?

Влад вздохнул:

- Да вот вроде всё гладко получается, но три года на жизнь каждого мужа, всё-таки подозрительно.

- Ну, подозревай, коль работы у тебя больше нет, – сочувственно кивнул головой Василий. – А я пошёл реальными делами заниматься, а не фантазировать на пустом месте.

– Вась, а ещё что про жену покойного можешь вспомнить? Ну, хоть чего-нибудь? – жалостливо обратился к своему коллеге капитан Соболев.

– К психологу она ходит, можешь проверить, в материалах дела об этом упоминается. Я не стал выяснять, что там и к чему, так как Анна, так вроде женщину зовут, не являлась подозреваемой по делу.

– Спасибо, – поблагодарил Владислав Алексеевич и побежал в свой кабинет, перечитывать последнее дело.

Василий Задворьев был дотошным опером, в его документах всегда царил порядок. Вот и сейчас в деле очень быстро отыскался документ, в котором упоминалось о том, что Анна Тимошина является клиенткой частного практикующего психолога Гавриловой Елизаветы Аркадьевны. Тут же в документе и номер телефона был, и адрес.

«Ехать или сначала позвонить?» – размышлял Влад. В итоге решил сразу приехать, предварительно заскочив к шефу и получив нужное разрешение на получение информации о клиенте. Психологи всегда начинали с песни о врачебной тайне, и только нужная бумажка могла развязать им язык. Конечно, можно ещё пытаться начать – но это не законно и есть более действенные и гуманные способы.

Елизавета Аркадьевна оказалась очень милой женщиной, лет сорока. В строгих очках и с серьёзным выражением лица, она напонила Владу его преподавательницу по гражданскому праву в Высшей Школе милиции, где он учился. Такая же строгая и аккуратная причёска, с забранными назад волосами, минимальный макияж и тонкая полоска губ. Когда он показал женщине документ, позволяющий вести расспросы о конкретном клиенте, губы превратились в тонкую ниточку, будто и не было их вовсе.

– Что вы хотите узнать об Анне Тимошиной? – устало поинтересовалась Елизавета Аркадьевна.

– Причину, по которой ей понадобились ваши услуги?

– Я специализируюсь, в основном на проблемах синдрома отличниц. Это означает, что все женщины, которые ко мне ходят, в школе учились на одни

пятёрки, и в большинстве своём в ВУЗах тоже они учились не хуже, и закончили высшее заведение, зачастую, с красным дипломом, – серьёзным тоном поведала психолог.

– И что в этом плохого? Какие у них могут быть проблемы? – искренне недоумевал Влад.

– Вот не скажите, Владислав Алексеевич, – Елизавета Аркадьевна мимолётно допустила улыбку на своём строгом лице. – Отличницы – это одна из проблемных групп людей, во взрослой жизни. За время своей учёбы они привыкают всё делать как надо, как правильно. Их всегда хвалят, и любят их, скорее всего потому, что они такие хорошие, а не просто за то, что они есть. Очень часто родители таких девочек, с очень завышенными требованиями к своим детям. В детстве они боятся совершить ошибку, и наказания которое за этим последует. Вы знаете, сколько отличников учатся из-под палки, они третируемы дома, и если получают четвёрку, то для них это горе, но не потому, что им очень нужна именно пятёрка – а потому, что дома им за четвёрку знатно влетит. Ребёнок, прибывающий, всю сознательную жизнь в этом состоянии вырастает зачастую в неврастеника.

– Анна – неврастеник?

– Нет, Аня пока ещё не перешагнула черту в этом направлении. Мы с ней учимся относиться к жизни проще. Разрешить себе допускать ошибки – это правильно, и совершенно не смертельно. Аня очень требовательна к себе. И тут есть один огромный подводный камень, с которым сталкиваются очень многие отличницы – они всегда стараются всё делать правильно, не допуская в свои поступки жизни, эксперимента, спонтанности. Они искренне не понимают, что для кого-то общепринятое понятие правильности – не является абсолютно правильным. Что всё в жизни относительно.

– И что в этом плохого, если человек поступает правильно? – перефразировал свой вопрос Влад.

– Да потому, что не бывает правильно для всех. Что хорошо для одного – совершенно может не являться таковым для другого, – очень эмоционально ответила Елизавета Аркадьевна, немного повысив голос. – На работе зачастую эту категорию женщин заваливают работой сверх меры, и они, не справляясь

с нагрузкой, винят в этом только себя, им в голову не придёт, что на них сели и едут. В итоге стресс и постоянное напряжение. Дома она тоже старается всё делать правильно, так как женщина должна. К вечеру усталость выше крыши, и муж, который уже успел отдохнуть и хочет интима, и искренне не понимает, почему у жены то голова болит, то жопа. А потом, она слышит со всех сторон – ты должна потерпеть – это супружеский долг, а то муж уйдёт. И женщина терпит, стиснув зубы, а этот самый муж, получив в постели всё то, что он хотел, но без отдачи, начинает обвинять жену во фригидности и начинать поиски темпераментной пассии, которая его приголубит, так как ему понравится.

Капитан Соболев сидел на стуле, вжав голову в плечи и чувствуя себя виноватым за всех мужиков, которые вот так поступают с женщинами. Он никогда не задумывался о том, что в семейных отношениях всё не так однозначно как это кажется на первый взгляд. И хотя сам был когда-то женат, но в своём разводе винил только то, что жена не смогла выдержать доли быть женой опера – которого и ночью могут выдернуть на работу и в запланированный ресторан, театр, кино зачастую не получается сходить. А ещё его бывшая жена была жутко ревнивая, и стоило ему задержаться на службе, а задерживался он довольно часто, и дома, неминуемо, ждал скандал, в придачу с вкусным ужином, который и есть, не хотелось, стоило только второй половине открыть рот.

Психолог увидела реакцию на свои слова, и взгляд её потеплел:

– Извините меня, Владислав Алексеевич, что я на вас всё это вывалила. У меня сегодня было три клиентки, и все как под копирку, вот с таким набором проблем. Вы пришли к окончанию моей работы, обычно я стараюсь в таком состоянии к мужчинам не приближаться, кроме своего мужа. Дома он меня обычно выслушает, успокоит и поддержит, после чего я приду в спокойное состояние. А сейчас накопело, хоть это и не профессионально. Но я не отличница, а живой человек, Ещё раз извините.

– Анна Тимошина тоже с такими же проблемами? – решил всё-таки вернуться к интересующей его теме капитан Соболев.

– Нет, у Анюты всё немного лучше. У неё есть хорошая подруга, которая привела Аню ко мне. И мы регулярно встречаемся. Я учу её любить себя, такой, какая она есть. Принимать свои ошибки, как неизбежность и необходимость именно для неё. Учу её давать отпор тем, кто садится на шею. Аня старается, что-то

получается, что-то нет, но она последнее время стала принимать себя – и это большой прорыв. Синдром отличницы пробить очень сложно. Борьба с детскими страхами тяжелее всего. А все проблемы девочек именно из детства.

– А вы работаете только с женщинами? – Влад вдруг поймал себя на мысли, что психолог ни разу не упомянула мужчин-отличников. – Мужчины в данной категории не подвержены таким проблемам.

– Это моя специализация. Я по синдрому отличниц защищала кандидатскую диссертацию, а сейчас собираю материал на докторскую. У мужчин данной категории проблем меньше, и справляются они зачастую быстрее и самостоятельно. Психика женщины более ранима, и они по-другому воспринимают действительность и себя в ней.

– Вот вы говорите, что учите своих клиенток принимать себя, такими, какие они есть. А если женщина захочет убить?

Елизавета Аркадьевна устало усмехнулась:

– Молодой человек, я не учу женщин аморальным поступкам. А вот если с синдромом отличницы не работать, то можно получить и алкоголичку и наркоманку, а там уже и до летальных исходов не далеко. Поверьте мне, я не пустые слова говорю. При сборе материала для диссертации я работала в психиатрической больнице с женщинами этого типа. И с нервными срывами их не мало. Человеческая психика не способна выдержать то огромное давление, которое вещают на себя бывшие отличницы. Итог бывает крайне плачевным, я работаю с женщинами, которые этот рубеж ещё не перешагнули. Я помогаю им справиться, сбросить напряжение, груз, который они на себя взвалили. Позволить себе иногда жить и наслаждаться жизнью. А убивать и наслаждаться жизнью – вещи не совместимые – как мне кажется. Я вообще считаю, что здоровый человек на убийство способен только в целях самозащиты, если выбора нет. А всё остальное – это уже нездоровье.

– Какое состояние у Анны?

– Анечка стабильна. Сейчас мы учимся быть пофигистками.

– Кем? – Владу показалось, что он ослышался.

– Пофигистками, – повторила Елизавета Аркадьевна. – К некоторым вещам надо относиться проще. Если дома беспорядок, то не обязательно сразу хвататься за уборку. У Ани двое детей, и если всё время наводить порядок – с ума можно сойти. Иногда можно и подзабыть на это дело. И убираться раз в три дня – например. Ведь там где есть маленький ребёнок – беспорядок это неизбежно. Так зачем его сразу ликвидировать, если его тут же будут планомерно возвращать на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/andreeva_radaslava/rokovaya-zhenschina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)